

Ань Но не обращал внимания на резкую боль в коленях. Он лишь крепче прижал к себе Бай Ичэня, стараясь принять весь его вес на себя и не тревожить раны. От невыносимой вспышки боли тот взмок, силы окончательно оставили его, и он бессильно уронил голову на плечо Ань Но. Тот чувствовал кожей влажную шею юноши и то, как лихорадочно, но отчетливо бьется его пульс.

Чжоу Сюй, заполнявший медкарты на посту, услышал в палате грохот, от которого, казалось, содрогнулись стены. Бросив ручку, он вместе с дежурной медсестрой ворвался в смотровую. Картина, представшая их глазам, была двусмысленной: двое мужчин сидели на полу в тесных объятиях. Позы — интимные, лица — искажены мукой.

Чжоу Сюй работал всю ночь напролет. Крайнее напряжение и усталость сделали его на редкость раздражительным, поэтому, когда он увидел, как этот «ходячий несчастный случай», которому было велено лежать на животе и не шевелиться, валяется на полу, гнев его обрушился на Ань Но.

— Как вы смотрите за больным?! — рявкнул он, пока медсестры перекладывали Бай Ичэня обратно на кровать. — Почему он упал? Вы что, пытались его перевернуть?

Ань Но было нечем оправдаться. Ему оставалось лишь напустить на себя скорбный вид в духе «виноват, каюсь» и помогать персоналу уstraивать Бай Ичэня. Чжоу Сюй сердито зыркнул на него, бесцеремонно отпихнул в сторону и принялся осторожно снимать повязку. К счастью, хотя швы и натянулись, серьезного расхождения ран не произошло — обошлось легкой обработкой.

Чжоу Сюй, у которого от усталости уже двоилось в глазах, действовал резковато. Ань Но видел, как лицо Бай Ичэня бледнеет с каждой секундой, а капли пота пропитывают подушку. Анестезия окончательно отошла, и парень просто терпел, стиснув зубы. Сердце Ань Но отозвалось тупой болью. Глядя на то, с каким усердием доктор прижимает спирт к истерзанной спине Ичэня, он невольно вспомнил, как тот зашивал ему голову в ту роковую ночь.

Не выдержав, Ань Но осторожно подал голос из-за спины врача:

— Доктор... нельзя ли чуть потише? Ему же больно.

Чжоу Сюй ответил холодно, не оборачиваясь:

— Ему в любом случае не больше, чем при падении с койки.

Ань Но умолк. Смущенно потеряв переносицу, он дошел до сестринского поста и выпросил две таблетки обезболивающего, решив дать их Сяо Баю, когда тот совсем изнеможет. Через пятнадцать минут Чжоу Сюй разогнулся и обратился к Ань Но:

— Готово. Поймите: у него все раны на спине. Мышцы поясницы и живота сейчас не работают, он беспомощен. Ему предписан строгий постельный режим. Не смейте его трогать. Если что-то случится, вы же сами потом себе этого не простите.

Ань Но послушно кивал, заверяя, что все осознал, это была случайность, и впредь он проявит себя как самый бдительный сиделец. Кое-как выпроводив доктора, он почувствовал себя незаслуженно оплеванным.

Дверь закрылась, и в смотровой воцарилась тишина. Боль теперь накрыла Бай Ичэня с головой. Он лежал, уткнувшись в подушку, и из его горла вырывались тихие, прерывистые стоны. Волосы слиплись от пота, на нижней губе проступила тонкая красная полоска — след от зубов.

Ань Но смотрел на него с жалостью и глухим раздражением одновременно. Этот мальчишка был слишком сложным. Ань Но отчаянно хотелось курить, но он не смел даже заикнуться о том, чтобы выйти на воздух.

— Бай Ичэнь, очень больно? — в его голосе невольно проскользнули нотки нетерпения.

Тот не ответил. Сил на слова просто не осталось.

Молчание парня взбесило Ань Но еще сильнее. Он не сдержался и прошипел:

— Ты когда-нибудь успокоишься? Чем я тебе так не угодил?

На самом деле Хань Цзыфэй считал Ань Но сдержанным лишь потому, что тот был отличным актером. Еще в полицейской академии Ань Но славился своим взрывным темпераментом. Если задание не требовало обратного, он предпочитал говорить правду в лицо, а о последствиях думать потом. Сейчас это внутреннее пламя разгоралось. Ему нужно было выяснить всё здесь и сейчас: это холодное безразличие изматывало его, и, что хуже всего, Бай Ичэнь мог снова навредить себе в порыве гнева.

— Ничем, — вытолкнул из себя Ичэнь.

Ань Но коротко и зло рассмеялся.

— Бай Ичэнь, я понимаю, что тебе обидно. Но всё уже в прошлом. Чжэн Жуй обещал восстановить справедливость, он вытряс из того типа минимум сто пятьдесят тысяч. Жиртрест всё еще в баре. Если хочешь выпустить пар — поправишься и разберешься с ним сам. А на меня-то ты чего кидаешься? Как будто я тебе что-то должен.

Бай Ичэнь не выдержал. Он резко открыл глаза и, глядя на Ань Но затуманенным, полным слез взглядом, спросил дрожащим голосом:

— Значит, ты тут ни при чем?

— Не я же тебя насиловал! — Ань Но повысил голос. Поведение Ичэня казалось ему чистой воды капризом. — К тому же там было полно людей. Почему ты не кричал? Почему не звал на помощь?!

Эти слова стали искрой, брошенной в пороховой погреб. Эмоции, копившиеся в Бай Ичэне всю ночь, прорвались наружу. Он сорвался на крик, вцепившись пальцами в подушку, словно пытаясь заглушить рыдания, но слезы хлынули потоком. Он задышался, кашлял, слова вылетали прерывистыми, лихорадочными толчками:

— Я звал! Я постоянно звал! Я... я кричал: «Брат Ань! Брат Ань, спаси меня!»... Но ты не слышал... Ты... ты болтал с Сяо И, тебе было наплевать! Я звал тебя снова и снова, а ты просто не оборачивался... Я видел, как ты смеешься с ним... видел... а на меня тебе было наплевать!..

Бай Ичэнь рыдал навзрыд, повторяя эти обрывки фраз по кругу. Из-за пелены слез он не видел, как исказилось лицо Ань Но, и не заметил вбежавшего в палату Чжоу Сюя.

Ань Но застыл. Этот шквал обвинений вмиг сбил с него всю спесь. Он понял, что всё это время пытался оправдать собственную вину встречными претензиями. Он был виноват кругом. Как охранник «Пылающего искушения» он обязан был вмешаться. Как старший брат он знал, что за мразь этот Толстяк Чжоу, но всё равно спустил с Сяо Бая глаз. А самое страшное... Ань Но до боли сжал кулаки... Самое страшное, что пока этот ребенок в отчаянии звал его на помощь, пытаясь вырваться из лап ублюдка, он сам стоял в паре метров и травил анекдоты с Сяо И.

Он не смел даже представить, что чувствовал Бай Ичэнь в ту минуту. Насколько безграничным было его доверие, и насколько черным — отчаяние, когда это доверие не оправдалось... Обида? Да Ичэнь имел полное право забить его до смерти.

Ань Но в оцепенении смотрел, как Чжоу Сюй прижимает бьющегося в истерике юношу к постели и велит медсестре вколоть седативное.

Бай Ичэнь обмяк, лишившись последних сил. Он лежал неподвижно, белый как полотно, и только слезы продолжали катиться из-под закрытых век, пока лекарство не погрузило его в забытие.

Чжоу Сюй не решился уйти. Он придвинул стул и сел у изголовья кровати, не сводя взгляда с пациента. Ань Но смотрел на них, и в груди у него все горело: «Это я должен быть там! Это я должен был защищать его, почему у меня никогда не получается?»

Препарат подействовал быстро. Бай Ичэнь уснул. Чжоу Сюй еще раз проверил его состояние и поднялся.

— Будьте начеку, — вполголоса сказал он Ань Но. — Он сильно напуган, психика в крайне нестабильном состоянии. Это может помешать восстановлению и оставить глубокую травму. Если потребуется, наймите ему психотерапевта... — Врач на мгновение запнулся и спросил: — Вы ему кто?

— Я... я его брат.

— Вот как? — Чжоу Сюй явно не поверил. Его наметанный глаз давно уловил нечто большее в поведении Ань Но, но он лишь продолжил: — Позаботьтесь о нем. Ему катастрофически не хватает чувства защищенности. Сделайте так, чтобы он чувствовал себя в безопасности, в тепле.

Слово «безопасность» резануло Ань Но по живому. Он лишь молча кивнул, запоминая все указания по уходу, и украдкой поглядывал на спящего Ичэня. Мысли в его голове неслись вскачь, сменяя друг друга.

Закончив инструктаж, Чжоу Сюй смерил Ань Но долгим, насмешливым взглядом.

— Знаете, — добавил он с иронией, — этого парня привозят по скорой уже третий раз за последние месяцы. Да и вы тут гость не редкий. Чем вы, братья, таким опасным занимаетесь?

Ань Но очнулся от своих дум. Увидев игривую улыбку доктора, он почувствовал глухое раздражение и, напустив на себя официальный вид, бросил:

— Несчастный случай.

С этими словами он выпроводил Чжоу Сюя.

Трижды! Всего за три-четыре месяца этот мальчишка трижды оказывался на грани. Ань Но нахмурился. Пришло время принять решение, от которого зависела жизнь.

Ночь уже клонилась к утру, когда тишину разорвал звонок. Звонил Юй Дай. Ся Цзинхуэй уже вел белый Honda CRV в сторону Гуансина. Пока все шло гладко: через пару дней подставные лица из G-сити должны были перехватить товар на черном рынке. Юй Дай велел Ань Но присматривать за Хань Цзыфэем — была вероятность, что Дун Цзюнь снова обратится к нему за партией.

Они быстро обменялись новостями. В голосе Юй Дая слышались плохо скрываемый восторг и облегчение. Каким бы сложным ни было дело, знать, что твой любимый человек в порядке — величайшее счастье. Ань Но легко мог представить, с каким нетерпением «Сабля-рыба» ждет возвращения Ся Цзинхуэя.

— Рыба! — Ань Но посмотрел на светлеющее небо и заговорил быстро, не давая себе шанса передумать. — Я сегодня домой не вернусь. Прибери в гостевой комнате, там должен кто-то жить.

Юй Дай тут же оживился:

— Бай Ичэнь? Это из-за него? Ань Но, ты уверен, что сможешь его защитить?

Ань Но был благодарен Юй Даю. Тот, зная всю подноготную, не стал читать нотации или сыпать доводами рассудка. Напротив, он всегда стоял на стороне чувств. Для Юй Дая работа была лишь работой — долгом перед формой и гербом, к которому нужно относиться честно. Раскрытие дела — это всегда командный труд. Но чувства — дело глубоко личное. В жизни есть лишь один человек, которому ты можешь доверить свое сердце, и упустить его — значит потерять жизнь. Любить до смерти — всё лучше, чем умирать, так и не узнав любви.

За эти убеждения Юй Дая когда-то нещадно распекал Мо Хань. Тогда Юй Дай всеми правдами и неправдами добивался расположения Ся Цзинхуэя. Мо Хань называл это «домогательствами к коллеге», на что Юй Дай отвечал: «Раз не прогнал — значит, есть надежда». Мо Хань ворчал, что это «плохо влияет на имидж», а Юй Дай парировал, что гомосексуальность — не преступление. Когда же начальник заявил, что это «вредит работе», Юй Дай едко поинтересовался, не пора ли тогда уволить всех супругов-полицейских в управлении. И только когда Мо Хань прямо сказал, что чувства Юй Дая подвергают Цзинхуэя опасности, тот замолчал. Но ненадолго. Вскоре он явился в кабинет шефа и твердо произнес: «Его жизнь — это моя жизнь. Его смерть — моя гибель».

Мо Хань сдался и пошел говорить с самим Цзинхуэем. Тот лишь улыбнулся: «Без него что жизнь, что смерть — всё едино».

После исчезновения Цзинхуэя Юй Дай продолжал ходить на службу, работал с азартом и энергией. Коллеги шептались: «Ну и сволочь же этот Юй Дай, хоть бы для приличия погоревал». Тот не обращал внимания. Когда Цинь Сяо спросил его прямо, Юй Дай ответил: «С Цзинхуэем всё в порядке, он просто временно отсутствует. В нашей работе пропасть на месяц — обычное дело. С чего мне вить, как вдове?» И только когда пришла ложная весть о гибели капитана Ся, Юй Дай, как обычно, вернулся домой и... Цинь Сяо, почувствовав неладное, выбил дверь в его квартиру и едва успел вытащить его из лужи крови.

Жизнь или смерть для таких людей зависели лишь от одного — рядом ли тот, кого они любят.

Поэтому, когда Ань Но сказал, что в доме появится гость, Юй Дай не стал думать о «правилах» или «помехах следствию». Если Бай Ичэнь «чист», то любовь Ань Но имеет право на

существование. А раз Ань Но решился, значит, он найдет способ совместить службу и чувства и готов ко всем последствиям. Юй Дай лишь опасался за самого Ичэня.

В вопросах любви Юй Дай всегда был для Ань Но источником смелости.

— Даже если не смогу, всё равно обязан защитить, — вздохнул Ань Но. — На самом деле у меня нет выбора. Хань Цзыфэй уже всё пронюхал, скрывать бесполезно. И чем оставлять парня вне поля зрения, лучше держать его при себе. Так оно надежнее.

— Ого! Как он узнал? — поразился Юй Дай.

Ань Но вкратце пересказал события в баре. Юй Дай только присвистнул:

— Ну и пацан... Ну и кремень!

Ань Но снова вздохнул. Этой-то «крепости» он и боялся больше всего.

<http://bllate.org/book/18167/1758661>